DOI 10.31250/2618-8600-2025-4(30)-200-223
УДК 316.37:398.91

А. И. Егорова

к.псх.н., доц., Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Якутск, Россия
ORCID: 0000-0002-7985-4134
E-mail: aidaego@mail.ru

Мужской и женский мир в паремиях и запретах коренных малочисленных народов Севера[1]

АННОТАЦИЯ. В касающихся гендерной сферы паремиях и запретах коренных малочисленных народов Севера отражены формы социального устройства и семейной власти, гендерная асимметрия, андроцентризм, роли в обществе, традиционные формы брака, нормы женского поведения, идеи о детоцентризме, особенности воспитания мальчиков и девочек и другие темы. Целью исследования является реконструкция традиционных гендерных отношений у коренных малочисленных северных народов. Автор использует контент- и интент-анализ, устанавливая степень выраженности основных категорий (шкал) — «традиционализм», «сексизм» и «запреты». Объектом исследования являются источники по долганскому, эвенскому, эвенкийскому и юкагирскому фольклору, из которых было отобрано 200 паремий и запретов, отражающих гендерные стереотипы и социальное поведение мужчин и женщин. Анализ показывает, что преобладает тематика, связанная с семейными ролями мужчин и женщин, дифференциацией труда, детоцентризмом и т. п. Несмотря на утверждение патриархального типа отношений (а иногда и враждебное отношение к женщине — особенно в паремиях долган и эвенков), в целом прослеживается эгалитарный статус мужчин и женщин. В паремиях эвенов и юкагиров, в отличие от традиции долган и эвенков, важное место занимает почитание матери, женщины, акцентируется ее роль в принятии решения по поводу основных для семьи вопросов. В паремиях долган, эвенов и эвенков чаще встречаются мотивы экзогамного брака, в отличие от юкагиров, у которых данная форма брака практически не отмечалась.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гендерные стереотипы, гендерная психолингвистика, паремии, пословицы, поговорки, запреты, долганы, эвены, эвенки, юкагиры

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Егорова А. И. Мужской и женский мир в паремиях и запретах коренных малочисленных народов Севера. *Этнография*. 2025. 4 (30): 200–223. DOI: 10.31250/2618-8600-2025-4(30)-200-223

[1] Исследование выполнено в рамках продолжающегося проекта «Кросс-культурное исследование гендерных стереотипов народов Сибири и Северо-Востока России» (рук. А. И. Егорова).

A. Egorova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia
ORCID: 0000-0002-7985-4134
E-mail: aidaego@mail.ru

The Male and Female Worlds in the Proverbs and Paremias of the Indigenous Peoples of the North

ABSTRACT. Proverbs, sayings, and taboos reflecting gender dynamics among the indigenous peoples of the North reveal key aspects of social organization. These include family power structures, gender asymmetry, androcentrism, the roles in both family and society, traditional marriage practices, women's social status, degrees of behavioral restrictions or freedoms, child-centeredness, as well as norms for raising boys and girls and etc. This study aims to reconstruct traditional gender relations among these small indigenous groups. Using content and intent analysis, the article examines male and female stereotypes, focusing on the degree of expression of key categories, such as "Traditionalism", "Sexism" and "Prohibitions". The study is based on folklore and ethnographic materials related to the Dolgan, Even, Evenki, and Yukaghir peoples. From these sources, 200 gender-relevant paremias and prohibitions were selected that reflect traditional views on male and female social roles and behaviors. The analysis reveals that these gendered paremias emphasize familial roles, a clear division of labor, child-centered values and etc. While many of the proverbs underscore male authority and reflect patriarchal family dynamics, sometimes accompanied by negative portrayals of women, particularly among the Dolgans and Evenks, they rarely exhibit overt androcentrism or idealization of men. On the whole, the paremias present a relatively egalitarian view of gender roles. In the traditions of the Evens and Yukaghirs, in contrast to the Dolgans and Evenks, there is a notable expression of respect for women, particularly mothers, and an emphasis on women's roles in important family decisions. Exogamous marriage appears more frequently in the proverbs of the Dolgans, Evens, and Evenks, whereas it is largely absent in Yukaghir traditions.

KEYWORDS: gender stereotypes, gender psycholinguistics, paremias, proverbs, sayings, prohibitions, Dolgans, Evens, Evenks, Yukaghirs

FOR CITATION: Egorova A. The Male and Female Worlds in the Proverbs and Paremias of the Indigenous Peoples of the North. *Etnografia*. 2025. 4 (30): 200–223. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8600-2025-4(30)-200-223

ВВЕДЕНИЕ

Изучение гендерных отношений в контексте трансформации традиционных ценностей и сохранения национальной самобытности семейно-брачных отношений у кочевых народов Севера является актуальной задачей. Традиционные гендерные и семейно-брачные отношения северных групп тюркских (долган) и тунгусских (эвенов, эвенков), а также палеосибирских (чукчей, юкагиров) народов Якутии представляют собой сложную систему с общими и специфическими чертами. Среди них — особенности систем родства и семейного устройства; существование патрилинейной структуры родства при наличии пережитков матрилинейной; патрилокальность брака; формы брака; реципрокность процедур обмена между сторонами в процессе заключения брака (соразмерность калыма и приданого, практика последовательного обмена); наличие институтов экзогамного брака (калыма, умыкания, карамчения и избегания); запреты и ограничения женского поведения; отстранение женщины от активного участия в религиозных обрядах общины и, наоборот, ее доминирующая роль в исполнении домашних ритуалов; использование гендерных символов в обрядах, связанных с рождением ребенка; гендерная дифференциация труда; фиксирование гендерных статусов и ролей в динамике смены поколений посредством системы социализации и др.

Гендерные стереотипы, репрезентированные в языковой системе, больших и малых жанрах фольклора, недостаточно изучены и представляют большой научный интерес. Изыскания в области антропоориентированной гендерной психолингвистики занимают особое место в гендерных исследованиях (см.: Кирилина 1999; Першай 2014; Телия 1996; Lakoff 1975; и др.). Гендерные стереотипы, существующие в мифологическом и обыденном сознании народа, оказывают влияние на семейно-брачные обычаи, регулируя нормы отношений между мужчинами и женщинами. Паремии, запреты, фразеологизмы, сказки являются ценными источниками сведений о характере и содержании гендерных отношений, в них в образной форме отражаются традиционные гендерные роли, идеалы и представления о маскулинности и фемининности. Паремии как формы мифологического и обыденного сознания обладают признаками стандартизированности, схематизированности, экспрессивности, наличием оценочного и эмоционального компонентов. Как отмечает А. В. Кирилина, «паремиология показательна с точки зрения культурных стереотипов, зафиксированных в языке. Наличие разных возможностей для самоидентификации неоспоримо, однако анализ большого количества единиц позволяет все же сделать вывод о доминирующих тенденциях и оценках» (1999: 108).

В гендерно маркированных пословицах, поговорках, запретах коренных малочисленных народов Севера отражены формы социального

устройства и семейной власти (матриархат/патриархат), гендерная асимметрия (статусы мужчин и женщин в обществе), андроцентризм, распределение труда между мужчинами и женщинами (строгое/нестрогое), мужские/женские роли в обществе и семье, традиционные формы брака, положение женщины (зависимое/независимое), правовая и экономическая самостоятельность женщин, ограничения/свобода женского поведения (добрачного, брачного, послебрачного), детоцентризм и установки на многодетность, осуждение безбрачия и бездетности, особенности воспитания мальчиков и девочек и др.

Целью исследования является реконструкция традиционных гендерных отношений коренных малочисленных народов. В статье рассматриваются содержание и направленность традиционных мужских и женских стереотипов, отраженных в паремиях и запретах этих народов, при помощи контент- и интент-анализа, степень выраженности (по шкалам) основных категорий «традиционализм», «сексизм»[2] и «запреты» в паремиях каждого народа.

Объектом исследования стали фольклорные и этнографические источники по долганскому (Артемьев 2010; Бетту 2011; Ефремов 1984; Петров 2023; Попов 1934; 1937; 1946), эвенскому (Бокова 2002; Бурыкин 2001; Варламова 1986; Гурвич 1977; Дуткин 1996; Исторический фольклор эвенков… 1966; Ламутский 1965; Николаев 1964; Фольклор эвенов Березовки… 2005; Эвен фольклора 1981), эвенкийскому (Варламов 2009; Василевич 1969; Воскобойников 1960; Заветный фольклор народов Якутии… 2009; Романова, Мыреева 1971), юкагирскому (Гурвич 1956; Заветный фольклор народов Якутии… 2009; Курилов 2007; Прокопьева 2009; Труды Якутской экспедиции… 1900; Фольклор юкагиров… 1989) фольклору, из которых нами было отобрано 200 паремий и запретов, отражающих гендерные стереотипы и социальное поведение мужчин и женщин, в том числе 53 долганских, 57 эвенских, 37 эвенкийских, 53 юкагирских единиц фольклора.

Ввиду ограниченности доступа (утраты либо отсутствия в письменных источниках) фольклорного материала на языках коренных малочисленных народов, наряду с пословицами и поговорками *гөмкэр* (эвен.), *чуҥдэд-өйчэ* (юкаг.), в материалы для работы были включены запреты и экспектации (предписания). В эвенском языке *төнҥэкич* ‘запреты-обереги’, *иткал*, *томал* ‘обычаи’, *хам* ‘приметы’; в эвенкийском языке *одё* ‘запреты-обереги’; в юкагирском языке *одё* ‘запреты’, *аруу тудуруун мольҕал* ‘образные выражения’, *иэруулҕа, саабандьэ пониэлҕа хомульпэ*

---

[2] В исследовании выделение категорий и шкал условное и использовано для оценки степени согласия респондентов с паремиями, в данной статье результаты оценки не рассматриваются. Категория «сексизм» не отражает напрямую современное представление о сексизме, ее выделение является исследовательским приемом для группировки связанных по смыслу соответствующих паремий.

‘охотничьи и рыболовные наказы’ (Бокова 2002; Дуткин 1996; Курилов 2007)[3]. Из 200 фольклорных текстов — 83 паремии и 117 запретов и предписаний, в том числе паремий — долганских (15), эвенских (17), эвенкийских (19), юкагирских (32); запретов и экспектаций — долганских (38), эвенских (40), эвенкийских (18), юкагирских (21). Всего в паремиях и запретах выявлено 56 мужских и 118 женских стереотипов, а также 26 стереотипов, относящихся как к мужчинам, так и к женщинам (табл. 1).

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО ПАРЕМИЙ И ЗАПРЕТОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, ВКЛЮЧЕННЫХ В ПРОТОКОЛ КОНТЕНТ- И ИНТЕНТ-АНАЛИЗА

Паремии и запреты	**Всего единиц, включенных в протокол контент- и интент-анализа**	**В том числе паремий**	**В том числе запретов и экспектаций**	**Мужские стереотипы**	**Женские стереотипы**	**Мужские/женские стереотипы**
Долганские	53	15	38	18	32	3
Эвенские	57	17	40	15	36	6
Эвенкийские	37	19	18	18	18	3
Юкагирские	53	32	21	7	32	14
Всего	**200**	**83**	**117**	**58**	**118**	**26**

ОБЩАЯ ПРОЦЕДУРА И ОПИСАНИЕ МЕТОДИКИ

В исследовании были использованы методы контент- и интент-анализа для выявления содержания и скрытой направленности (интенций) паремий, сопоставления паремий. Для контент-анализа гендерных стереотипов все паремии и запреты по смыслу были сгруппированы в категории, представленные в виде отдельных шкал (данные шкалы были использованы нами ранее при анализе паремий тюркоязычных народов Сибири, см.: Егорова и др. 2020). Для категории «традиционализм» предложено 4 шкалы, для категории «сексизм» — 2 шкалы, внутри шкал выделены субшкалы. Наиболее информативными по встречаемости оказались 11 шкал и субшкал. Отдельно выделена категория «запреты

[3] При подборе и использовании материала не ставилась задача выявления межъязыкового заимствования. Качество перевода не оценивалось.

и экспектации», включающая 3 шкалы запретов и 3 шкалы экспектаций (ожидания соответствующего поведения, предписания). Все 6 шкал оказались информативными. Таким образом, дальнейший анализ будет осуществляться по 17 шкалам.

При анализе гендерно маркированных паремий (Шаймарданова 2015: 94) выделены тактики гендерной речевой стратегии: предостережение; урезонивание; обличение; угроза; упрек; одергивание. Запретительные пословицы с использованием форм повелительного наклонения, предостерегающие тексты с отрицательными императивами определяются как прохибитивы (Кулькова, Денисова 2017). Запретительные пословицы выражаются в форме речевых стратегий: запрет, предостережение, оценка, совет, наставление, обличение. Для проведения интент-анализа гендерных стереотипов в долганских, эвенских, эвенкийских и юкагирских паремиях и запретах было выделено 18 интенций. Информативными для коренных малочисленных народов оказались 15 интенций: «восхваление», «оценка», «поучение», «утешение», «наставление», «совет», «требование», «запрет», «порицание», «предостережение», «обвинение», «дискредитация», а также отдельные интенции, относящиеся к основной интенции «предостережение», — «урезонивание», «обличение», «упрек».

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Паремии

Контент-анализ гендерных стереотипов в долганских, эвенских, эвенкийских и юкагирских паремиях и запретах позволил обнаружить следующее: по всем 83 паремиям наиболее часто встречаемыми оказались шкалы «Женские роли в семье», «Традиционная мужественность», «Мужские и женские роли в семье», «Враждебный сексизм по отношению к женщинам», «Мужские роли в семье», «Традиционная женственность», остальные шкалы встречались редко (табл. 2).

Таблица 2

КАТЕГОРИИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ДОЛГАНСКИХ, ЭВЕНСКИХ, ЭВЕНКИЙСКИХ И ЮКАГИРСКИХ ПАРЕМИЯХ (КОЛИЧЕСТВО ЕДИНИЦ)

Контент-анализ паремий	**Долганы**	**Эвены**	**Эвенки**	**Юкагиры**	**Все этносы**	**Ранг**
Традиционная мужественность	7		9		16	**2**
Традиционная женственность	1			4	5	6
Мужские и женские роли в семье	1			12	13	**3**

Таблица 2 (окончание)

Контент-анализ паремий	Долганы	Эвены	Эвенки	Юкагиры	Все этносы	Ранг
Мужские роли в семье	1	1	3	2	7	5
Женские роли в семье	1	5	6	11	23	**1**
Доброжелательный сексизм		1		1	2	7
Амбивалентный сексизм	1				1	8
Враждебный сексизм по отношению к мужчинам		1			1	8
Враждебный сексизм по отношению к женщинам	2	9	1		12	4
Доминирование мужчин/ подчинение женщин				1	1	8
Экзогамный брак	1			1	2	7
Всего	**15**	**17**	**19**	**32**	**83**	

Таблица 3

КАТЕГОРИИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ДОЛГАНСКИХ, ЭВЕНСКИХ, ЭВЕНКИЙСКИХ И ЮКАГИРСКИХ ЗАПРЕТАХ И ЭКСПЕКТАЦИЯХ (КОЛИЧЕСТВО ЕДИНИЦ)

Контент-анализ запретов и экспектаций	Долганы	Эвены	Эвенки	Юкагиры	Все этносы	Ранг
Запреты относительно женщин	26	18	12	12	68	**1**
Запреты относительно мужчин	10	3	1	5	19	**3**
Запреты относительно женщин и мужчин	1	3	2	2	8	7
Экспектации относительно женщин		3		2	5	9
Экспектации относительно мужчин		10	3		13	**5**
Экспектации относительно женщин и мужчин	1	3			4	11
Всего	**38**	**40**	**18**	**21**	**117**	

Запреты

В целом анализ и сравнение запретов в фольклоре КМНС при помощи контент-анализа показал, что наиболее часто встречаются «Запреты относительно женщин», «Запреты относительно мужчин», «Экспектации

относительно мужчин», реже встречаются «Запреты относительно женщин и мужчин», «Экспектации относительно женщин», «Экспектации относительно женщин и мужчин» (см. табл. 3).

Таблица 4

ИНТЕНЦИИ ДОЛГАНСКИХ, ЭВЕНСКИХ, ЭВЕНКИЙСКИХ И ЮКАГИРСКИХ ПАРЕМИЙ (КОЛИЧЕСТВО ЕДИНИЦ И РАНГИ)

Интенции	**Все КМНС**	**Ранг**	**Долганские паремии**	**Ранг**	**Эвенские паремии**	**Ранг**	**Эвенкийские паремии**	**Ранг**	**Юкагирские паремии**	**Ранг**
Восхваление	**5**	9			2	5	**2**	5	**1**	7
Оценка	**20**	**3**	**2**	4	**4**	3	**3**	4	**11**	2
Поучение	**6**	8			**1**	6	**5**	3		
Утешение	**1**	11							**2**	6
Наставление	**13**	5	**5**	3	**4**	3	**2**	5	**1**	7
Совет	**15**	4	**2**	4	**10**	2	**2**	5	**3**	5
Требование	**3**	10								
Запрет	84	1	**33**	1	**19**	1	**14**	1	**18**	1
Порицание	**7**	7			**3**	4			**5**	4
Предостережение:	27	2	**7**	2	**6**	3	**6**	2	**8**	3
— урезонивание	**1**	11							**1**	7
— обличение	**8**	6	**1**	5	**4**	3	**2**	5	**1**	7
— упрек	**6**	8	**2**	4	**3**	4			**1**	7
— одергивание										
Обвинение	**1**	11							**1**	7
Дискредитация	**3**	10	**1**	5	**1**	6	**1**	6		
Всего	**200**		**53**		**57**		**37**		**53**	

Интент-анализ гендерных стереотипов, выраженных в долганских, эвенских, эвенкийских и юкагирских паремиях и запретах, позволил выявить 15 шкал. Наиболее часто встречаемой оказалась интенция «запрет», далее по убывающей: «предостережение», «оценка», «совет», «наставление», «обличение», «порицание», «поучение», «упрек», «восхваление» (см. табл. 4).

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ДОЛГАНСКИХ ПАРЕМИЯХ

В паремиях и запретах долган отражены содержание и направленность гендерных стереотипов. В 53 долганских паремиях и запретах нами выявлены 18 мужских, 32 женских стереотипа, а также 3 относящихся и к мужчинам, и к женщинам. В этнографических источниках, в частности в работах А. А. Попова, отмечено, что у долган добрачные

сексуальные отношения и даже рождение детей до брака не осуждались, однако и после женитьбы/замужества супружеские измены не порицались. Кроме того, существовал «институт» калыма, так называемого гостеприимного гетеризма, были распространены пережитки группового брака (левират, кузенный брак) (Попов 1946: 62–65). Долганы считали, что первый брак для мужчины — это предназначение, а вот женитьбу вдовца осуждали. Для женщины второй брак и вовсе был под запретом. Как отмечает В. И. Дьяченко, в долганском традиционном обществе издавна имело место разделение труда на основании половой принадлежности. Гендерные роли обусловливали то обстоятельство, что хозяйственная активность была делом мужчин, а ведение домашнего хозяйства — непременной обязанностью женщин. Это привело к известной экономической зависимости женщин от мужчин и нашло отражение в характере распределения занятий между ними (Дьяченко 2017: 203).

В долганских паремиях и запретах отражены идеалы мужественности и требования к мужскому поведению: *Кыына һуок, һаата һуок боллагына — эр киһинэн аагыллыбат* ‘Без ножа и ружья — это не мужчина’. Ср. также: «Как олень гордо несет свою голову — так высоко держи свое имя»; «Мужчина должен быть без страха, а женщина умнее, чем росомаха». Также упомянуты осуждаемые качества: *Аҥыр өйө һуок киһи уга да киллэриэгэ* ‘С полоумным человеком в воде можешь утонуть’; ср. также: «Что лентяй руками не может, то он всегда языком одолеет»; «Тот, кто оленя может бить, не уйдет от его копыт». Стереотипный мужской образ у долган тесно связан с такими качествами, как честность, гостеприимство, с традиционными видами деятельности этого народа — умением охотиться и ухаживать за оленями. Ср., например: «Если дело делаешь от души, то короче покажутся и дороги — аргиши». Отмечены охотничьи обычаи взаимопомощи: «Оставленный в тундре запас — и для нас, и для вас». В паремиях подчеркивается значимость мужской роли в семье, ср.: «Семье, где работящий муж, нечего бояться зимних стуж» и др.

Большинство долганских запретов связаны с соблюдением охотничьих и промысловых обычаев и предписаний: мужчине-охотнику нельзя убивать слишком много добычи, выбрасывать части туши оленя, запрещено убивать медведя и медвежат. Отдельно важно упомянуть о культе огня и связанных с ним запретах: мужчине нельзя топтать место *һуры* (т. е. то, где ранее было стойбище), а также очаг и то место, где он ранее был расположен, переступать очаг и ходить вокруг него. Мужчине запрещено ходить вокруг чума, а внутри чума нельзя обнимать *чимку*[4] и держаться за нее — считается, что умрут родители. Мужчине нельзя ковырять угли в очаге или задевать очаг чем-то острым (ножом, острым прутом) (Бетту 2011: 292, 296).

---

[4] *Чимка* — поперечная жердь над очагом, на которую крепится крюк для чайника, котелка.

Как пишет В. И. Дьяченко, в круг обязанностей долганской женщины входили уход за детьми, приготовление пищи, заготовка топлива, установка чума и многие виды работ, связанных с перекочевками, в частности укладка вещей, навьючивание оленей, разбор поклажи. Выделка оленьих и песцовых шкур, изготовление ниток из сухожилий оленя, шитье, доение важенок, сбор ягод и кореньев также были обязанностями женщин (Дьяченко 2017: 204). В долганских паремиях отражены женские роли в семье, значимость роли матери: *Дьактар өлөрө — уот һалаабытын көрдүк* ‘Смерть женщины подобна пожару’ (в доме, чуме). Здесь упоминаются принципы воспитания детей в семье. Отражены также нормы, связанные с уважением к старшим, ср.: «Девушка, никогда над старухой не смейся, ведь скоро и сама усохнешь, как месяц».

Как отмечает Дьяченко, воспитание детей полностью возлагалось на мать. Начальные трудовые навыки также прививались ребенку матерью. Долганская женщина в домашнем воспитании много внимания уделяла местным традициям и обычаям. Детей с этими нормами знакомили, как правило, именно мать или бабушка. Обязательным считалось воспитание у детей таких качеств, как трудолюбие, уважение к старшим, бережное отношение к природе. Многие исследователи и путешественники отмечали, что долганских детей так же, как и детей у других северных народов Сибири, наказывали крайне редко. Чаще всего наказание выражалось в осуждении за проступок и ограничивалось словесным порицанием (Дьяченко 2017: 204).

В некоторых долганских пословицах, касающихся женского поведения, отражены обычаи и запреты, связанные с экзогамным браком и патриархатными установками: *Дьактар өйө кылгас, тыла уһун* ‘Ум у женщины короткий, зато длинный язык’; *Дьактар кубулгатын — ыраактаагы да коппотога* ‘Хитрость женщины даже царю неподвластна’; *Кыыс ого — ыппыт оногос* ‘Девочка — как стрела’[5]. Ср. также предписание, согласно которому невестка не должна занимать место свекра, пересекать ему дорогу (ни пешком, ни верхом на олене, ни на нартах). В пословицах отражены представления о нечистоте женщины в период менструации: *Быртак дьактар киһи буолтак* ‘Грязная женщина[6] не считается человеком’.

Множество запретов и предписаний у долган связано с ограничениями женского поведения в период менструации, беременности, родов и после них: беременной женщине нельзя есть яйцо куропатки (*Курапааскы һымыытын һиэҥ — огоҥ эбириэннээк буолуо* ‘Если беременная женщина съест яйцо куропатки, то у ребенка будет веснушчатое лицо’), нельзя с солнечной стороны переходить дорогу, проходить за спиной

[5] Имеется в виду, что она отправляется в итоге в семью мужа.

[6] Имеется в виду женщина в период менструации.

другой женщины, нельзя перешагивать веревку; считается, что беременную женщину нельзя угощать хищной рыбой, ходить вокруг нее. Есть также представление о том, что, если в чуме находится беременная женщина, нельзя ходить или бегать вокруг чума; нельзя становиться у беременной за спиной. Женщине запрещено рожать в общем чуме или балке, нужно рожать только в отдельном маленьком чуме *дьука дьиэ*. При этом посторонним нельзя входить в чум роженицы. После родов до отпадения пуповины роженица не должна подходить к огню. При родах на *тогоһо*[7] вешают шкурки зайца. Как пишет А. А. Попов, заячья шкурка служила покровительницей женщины (*джахтар айыыта* или *няджи*) (1946: 52). Отметим, что у долган много запретов, связанных с охотничьими культами: *Дьактар атыллаабат мавыты, күрэйи, нилтэни — ити барыта ани быртак дьактарга* ‘Грязной женщине нельзя переступать *маут*[8], *хорей*[9], подставку для дров — это грех’. Женщине нельзя терять *кут*[10], нельзя наступать на ездовую упряжь и т. п., переступать через охотничье ружье или наступать на него. Женщине запрещено хранить *һайтааны* (семейные реликвии) возле женского места, их следует держать в чистом месте. Женщине нельзя есть гагару, мясо зайца, заячью голову, налима, не сняв кожу. Женщине нельзя пересекать дорогу со стороны восхода солнца (Бетту 2011: 291, 295).

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ЭВЕНСКИХ ПАРЕМИЯХ

В паремиях и запретах эвенов также довольно широко отражены гендерные стереотипы. В 57 эвенских паремиях и запретах выявлено 15 мужских, 36 женских стереотипов, 6 — относящихся и к мужчинам, и к женщинам.

Отметим, что традиционная семья эвенов была патриархатной с элементами матрилинейности и матрилокальности, встречались арахичные формы брака (обменный брак), умыкание невесты. Кросс-кузенный брак и левират эвены не практиковали. Был распространен брак с уплатой калыма *тори*; в практике сватовства, так же как и у других народов, использовались метафоры промысловой деятельности. Несмотря на то что традиционная семья эвенов была патриархатной, гендерные отношения строились на партнерских началах. Возглавлял семью отец, который был полновластным хозяином всего имущества. Исполнение воли отца для всех членов семьи было обязательным (Алексеева 2008: 46). В ведении домашнего хозяйства у эвенов существовало строгое разделение труда. В перечень мужских занятий входили выпас

[7] *Тогоһо* — специальный шест, за который роженица держится во время родов.

[8] *Маут* — аркан для ловли оленей.

[9] *Хорей* — специальный шест для управления ездовыми оленями.

[10] *Кут* — веревка из оленьей замши.

оленей и охота, убой оленей и разделка туш. Женщины должны были заниматься приготовлением пищи, уходом за детьми, заготовкой дров; выполняли работы, связанные с перекочевкой (укладка вещей, навьючивание оленей, установка и укладка чума). Много сил и времени требовали изготовление меховой одежды и обработка сырья для нее (Алексеева 2008: 47).

В эвенских паремиях, отражающих мужские стереотипы, подчеркивается роль и значение семьи для мужчины, во многих пословицах присутствуют идеи необходимости скорой женитьбы для вдовца. Это воспринимается как естественная потребность для выживания семьи: *Куҥаҥапчи хутэлкэн бэй, асий көкэрэкэн, куҥал анҥамта эньрэнигэтэн химнач баканнаҥан* ‘Если у многодетного человека умрет жена, он должен быстрей жениться’. Ср. также другую ситуацию и вообще советы по поводу выбора жены: *Хутэлкэм бакли, хуткэн төгэҥчинри* ‘Возьми замуж вдову с детьми — они будут о тебе заботиться’; *Нөстилбу эди эекил, эҥсийи эди маҥкил? Атикам бакли эмэҥчэдукун дебдинри, көкэрэкэн* ‘Не ищи в жены молодую, не истощай свои силы, поищи пожилую женщину — будешь есть ее оленей после ее смерти’; *Абдун ибгадун эди эекил, хигилин ибгадун эели* ‘Не ищи в жены женщин в хорошей одежде, а ищи с хорошим характером’; *Гилталлиду эди эекил! Ялраня-да бидэн, гиркаридукун хали!* ‘Не ищи в жены светловолосую (русскую. — *А. Е.*)! Пусть будет черноволосая, но ты будешь знать ее повадки’; *Телгидэн ибгадун эди эекил, дон ибгалан [айдун] эели* ‘Не ищи в жены женщин по хорошей внешности, ищи по хорошей душе’. Осуждение по отношению к легкомысленным мужчинам, мужчинам-двоеженцам также выражено в фольклорных текстах. О любителе женщин говорили: *Дарамнай муҥгэрэлкэн (асимаган бэй)* ‘С сумой-*мангуркой*[11] на пояснице’. Ср. также предостережение: *Дюптив онвум (хякам) эди тэтуттэ (хояч эди асиннатта)* ‘Не надевай двух серег в одно ухо’ (о нескольких женах). Осуждались ревнивые мужья: *Ялбанкала тэгэсэмкэнни (асий дюду кадатти)* ‘На горящие угли посадил’ (о том, кто держит свою жену дома взаперти).

О существовании калыма свидетельствует следующая пословица: *Асаткан маҥнаттай дёмкатти бэй амандун касналкам тэбэкуруки бөннэн* ‘Человек, который думает посватать девушку, должен дать ее отцу кисет с деньгами’. В пословицах эвенов говорилось о необходимости создания крепкой семьи, недолговечности брака при конфликтах: *Гянур — аси нян няри ач хусэлэч нэгимэчинтэн, кусинтэн хо-хо төннэкич — этэр гору өмэтту бис* ‘Если парень и девушка без причины бранятся — они не будут жить вместе долго’ (Бокова 2002; Бурыкин 2001; Дуткин 1996; Ламутский 1965).

---

[11] *Мангурка* — переметная сума, вещевой мешок.

Мужские запреты связаны прежде всего с нормами и табу, регламентирующими вступление в брак: *Мэн ханий гягай гасчими, мэн ханиткий мерэндэй некми — эрэк ядук-та, ядук-та хо төннҗэкич, нюмар* ‘Нельзя просить себе в жены родственницу, нельзя выходить замуж за родственника’. Распространены также запреты, регулирующие сексуальное поведение: *Аси илрэнхэттэкэн, эннэс көеттэ — нөне, ясаллас хурбат-өсэн нөдик, гөвэттэ* ‘Нельзя смотреть на оголенную часть тела, кожу женщины’; табу, связанные с промысловыми культами: *Бэйду чидикив энмэй тейрэ* ‘Мужчине нельзя давать есть мясо с икры ноги’ (Бокова 2002; Бурыкин 2001; Дуткин 1996; Ламутский 1965).

В эвенских паремиях подчеркивается роль матери в семье: *Эниндук аидмар гя ачча* ‘Лучше матери друга нет’; *Нидук-тээньмиэрэгэрдёҗчили, одяли! Эньмиомҗами ядук-та эгден төннҗэкич* ‘Больше всех людей помни и береги свою мать, забыть свою мать — самый большой грех’; *Эньми чордами — нҗэлэм нён(е) — хилгуки одинри* ‘Ударить свою мать — страшный грех, ты будешь все время страдать’.

В эвенских паремиях говорится о строгом распределении обязанностей мужа и жены: жена при живом муже не должна заниматься мужской работой, а муж при живой жене не должен заниматься женской. Строго регламентированы также требования к матери-хозяйке, матери-жене: *Ай аси тэдэкэн ног, кэнели тэдэкэн нелбэр* ‘У хорошей жены коврик для сидения — пушистый, у плохой — лысый, вытертый’; *Кэнэли аси бисин, кирэтэ ибга хиркан бигин хулэк* ‘Когда жена плохая — лучше хорошим ножом порезаться, чем жить с ней’. Как отмечает С. А. Алексеева, эвенская женщина пользовалась в семье большим уважением. Прежде чем принять важное решение, муж обязательно советовался с женой. Женский труд в оленеводческом хозяйстве эвенов играл большую роль, поэтому женщина была относительно свободна (по сравнению с ситуацией, сложившейся у других народов) (Алексеева 2008: 47).

Однако в некоторых паремиях эвенов отражены патриархатные установки, пренебрежительное отношение к способностям женщин к мужским видам деятельности, в частности к охоте: *Аси пэктэрэвулкэнни дэгэнтэмдэс* ‘Женщина с ружьем — наподобие левши’. Осуждению подвергались «распущенные» женщины, женщины с внебрачными детьми: *Нюритчи хуркатча (хөнтэкитэҗ бэйдук хутэлкэн)* ‘Волосами, как петлями, ловила’ (о женщине с детьми от разных мужей); *Нюҗэн хаиралкан оча (аси хонтэдук хутэлбэчэ)* ‘У нее шесть пальцев стало’ (о женщине, родившей не от мужа).

Поощрялись гостеприимство и умение женщин шить, рукодельничать: *Кубэкэ (чайник) оҗатан уркэли эҗэттэн (төимэгэн аси)* ‘Носик чайника в дверной проем заглядывает’ (о гостеприимной женщине); *Томкачалкан инмэв, унипам нимнэчэ урэчин (җэн аси)* ‘Словно нитку с иголкой проглотила’ (о хорошей мастерице). Осуждались такие качества женщин,

как болтливость, хвастливость, скупость, лень: *Унипанни тэмтэку (бэругэн аси)* ‘Наперсток у нее дырявый’ (о сплетнице); *Өмнэкэн гиркундачалин илан оран течэ (гуим аси)* ‘Из-за одного шага три оленя отняты’ (о скупой); *Дюлдэ анҥанирап уямкан хиддон олгичагчин (хопча аси)* ‘Как будто прошлогоднее мясо — филе снежного барана высушила’ (о хвастливой). Ср. также совет: *Илам илчаргай эди илчавкан* ‘Три сплетенные косички в одну не сплетай’ (т. е. не хвастайся). О нерадивой и неумехе говорили: *Нанрав мөлэ умитчэ (иҥэ туркутти аси)* ‘Шкуру в воде вымачивает’ (Бокова 2002; Бурыкин 2001; Дуткин 1996; Ламутский 1965).

В *төннҥэкэн*, запретах экзогамного брака, также встречались патриархатные установки: *Эвэн аси (көкэнни) мэн эткиткий ининдин, ирканҥаматтин хо төннҥэкич, эгден нюмар* ‘Эвенка-невестка если будет смеяться, шутить со своим свекром — очень грешно, очень стыдно’. Переезжая в дом мужа невесте нельзя было оглядываться назад, считалось, что это может привести к разводу. Невестке было запрещено показываться простоволосой (с непокрытой головой) перед родственниками — старшими мужчинами; запрещено было пересекать дорогу старшим, пожилым.

У эвенов было довольно много запретов, связанных с охотничьими обычаями: *Аси мэн бэиҥи дёданнин тэтуттин оилдулин бөдэлди эннэн хэкрэ* ‘Женщина не должна прикасаться ногами к одежде мужа: если наступит, у него заболят кости’; *Аси бэиҥи мавутлин, пэктэрэвундулин эннэн бөдэлди хэкрэ, эннэн-дэ өйдэлин гиркар* ‘Женщина не должна наступать на аркан, ружье’. У эвенов было достаточно много бытовых запретов, связанных с будущим детей: «Девочке нельзя есть коровье вымя — у самой не будет молока», «Девочке нельзя есть голову и мозг налима — дети будут слюнявыми», «Девочке нельзя есть кончик языка животных — дети будут языкастыми», «Девочке и молодой женщине нельзя есть гагару — дети будут заиками или немыми».

Многочисленны в традиционной культуре запреты, связанные с ограничениями женского поведения во время беременности. Так, у эвенов беременной женщине нельзя садиться на порог, наступать на веревку; роженице нельзя в течение трех суток после родов подходить к огню и пользоваться ножом. Женщина не должна перешагивать через топор, скребок, нож, иначе роды будут тяжелыми. Многие запреты мотивированы последующим вредом для ребенка, особенностями восприятия самой роженицы, беременной как опасной и одновременно уязвимой: *Өсэри аси этэн хатарсиду гиркаватта, хутэн ачча очавул, бутэнулбакудик* ‘Беременная женщина не должна ходить одна в темноте, ребенок может родится мертвым или больным’; *Өсэри аси, мялми тектэ хулрай чаканнан — нёне* ‘Беременная женщина, проснувшись, должна сразу же собрать свою постель — иначе грешно’; *Өсэри аси бутэн дюлан этэн ивэннэ, бутэн нёмэдҥедун* ‘Беременная женщина в дом к больному не должна входить, чтобы больной не умер’; *Хутэлбэчэ асиду уямкам,*

эгдетэ, мунрукан улрэвэн энмэй бөр ‘Беременной женщине нельзя давать мясо снежного барана, лося, зайца’. Зафиксирован также запрет беременной женщине ходить в лес одной, считалось, что в таком случае медведь задавит (Бокова 2002; Бурыкин 2001; Дуткин 1996; Ламутский 1965).

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ЭВЕНКИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

В 37 рассмотренных эвенкийских паремиях и запретах выявлено 16 мужских, 18 женских стереотипов, а также 3 относящихся к представителям обоих полов.

У эвенков брак был преимущественно экзогамным, патрилинейным, счет родства велся по мужской линии. Большое значение у эвенков имели родовые отношения, при этом, разумеется, существовал запрет на брак внутри рода. Распространен был калым (*тэри*, *таман*), встречались обычаи умыкания и избегания. Как и у эвенов, традиционная семья эвенков была патриархатной. При этом по отношению к женщине мужчинам предписано было уважительное поведение, они должны были прислушиваться к ее мнению (Василевич 1969: 174). Грубость, брань и драки между супругами были крайне редки. Жена в случае конфликта с мужем могла обращаться за помощью к родственникам мужа или своим родным, которые могли ее защитить.

В пословицах эвенков отражены идеалы маскулинности, связанные с физической силой и выносливостью, охотничьими навыками: *Эхэду охивча бэе эвки горово буддэ* ‘Человек, поцарапанный медведем, долго не умрет’; *Амикан, гоёвун бинэ, тухаракин, ахакал* ‘Если раненый медведь побежит — преследуй’.

Мужские стереотипы, представленные в паремиях, тесно связаны в первую очередь с традиционными видами деятельности эвенков — оленеводством и охотой, соблюдением охотничьих запретов и обычаев. Считается, что, если ничего не добыл на охоте, нельзя ругать места, где охотился: дух охоты услышит, и удача отвернется. Ср. также специальные, регламентирующие поведение правила: если будешь бросать кости на землю, дух охоты *Хинкген* рассердится и на охоте не будет удачи; если будешь беречь оленя, он сбережет тебя в пургу. Ср. также: *Окэл бэюн сэксэвен хэкикитту уҥкурэ* ‘Мужчина не должен проливать кровь оленя на тропе’.

Навыки и умения высоко ценились, об умелом человеке говорили: «У оленя красота в рогах, у человека — в руках». Особо отмечены важные качества — гостеприимство, трудолюбие. Осуждаются лень, болтливость, жадность. Ср.: ‘Гостя встречай с радостью’; *Энэлгэ эвки гороё инэ* ‘Лентяй долго не живет’; считается, что ленивый человек похож на оленя, который последним идет по протоптанной дороге аргиша.

В эвенкийских пословицах подчеркивается роль и значение семьи для мужчины: *Ахия ачин бэе ангадякан* ‘Муж без жены — сирота’; *Кэргэнми*

санмими тогос сивдян ‘Жену потеряешь — потухнет огонь’; *Бэе ахи унякандин бэе овки* ‘Мужчина с помощью пальцев жены станет человеком’. В семейной жизни эвенки также придерживались определенных запретов и предписаний: *Бэе ахиви унтаван эвки тэттэ — гирамдан энунилден* ‘Муж не может надевать унты жены — кости заболят’; нельзя ругать и бить маленького ребенка — его душа испугается и улетит на небо (т. е. он умрет).

В эвенкийских пословицах отражен прежде всего образ женщины-матери: *Того тэкэнин — энин бивки* ‘Корень очага — мать’. Ее роль особенно важна: *Энин будэҥодикин — амин бунин хулэкэ* ‘Лучше смерть отца, чем смерть матери’; *Бэевэ ахи иргивки* ‘Женщина растит человека’. При этом признается особенная важность роли женщины и как жены, и как матери.

Запреты по отношению к женщинам у эвенков, как и у других народов Севера, довольно многочисленны. Масса бытовых запретов и правил связана с охотничьими обрядами, ср. уже упоминавшийся запрет переступать/наступать на орудия охоты, снаряжение. Не менее важны и запреты, регламентирующие экзогамный брак и патриархатные установки: *Ахи этыркэнми амин ман — ну экинмэн эвки гэрбирэ* ‘Невестке нельзя называть по имени старших родственников своего мужа’ и др. Любопытен запрет женщине брать щенка у родственников мужа, а мужчине — у родственников жены. Как уже было отмечено для других традиций, много запретов связано с поведением беременной женщины (ср., в частности: ей нельзя садиться на порог, наступать на веревку и пр.) (Варламов 2009; Варламова 1986; Василевич 1969; Воскобойников 1960; Романова, Мыреева 1971).

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ЮКАГИРСКИХ ПАРЕМИЯХ

В 53 юкагирских паремиях и запретах, рассмотренных нами, выявлены 7 мужских, 32 женских, 14 относящихся и к мужчинам, и к женщинам стереотипа. Как отмечает И. С. Гурвич, юкагиры — единственный из народов Сибири, сохранявший матернитет и матрилокальность до середины XIX в. (1969: 87). По свидетельству В. И. Иохельсона (2005), большинство браков юкагиры заключали внутри рода, т. е. брак был эндогамным; а по наблюдениям Н. И. Спиридонова (1996), брак у юкагиров был экзогамным. У лесных юкагиров существовали обычаи так называемого гостеприимного гетеризма. С развитием патриархата у них на смену бескалымному браку пришел обычай отработки за жену, а также обменный брак, который они переняли у эвенков. Тундровые юкагиры практиковали калымный брак, также у них существовал обычай отработки за жену, однако они не восприняли левират.

Обеспечение рода мясом и шкурами входило в обязанности *ханичэ* — первого охотника родовой общины. Чтобы достичь совершенства в охоте,

будущие охотники постоянно упражнялись в беге на длинные дистанции и стрельбе из лука (Иохельсон 2005: 180–182). Об этих навыках упоминается во многих фольклорных текстах, рассмотренных нами. О дифференциации мужских и женских ролей в традиционном обществе свидетельствуют высказывания типа *Чавурэ амаа вэлтэм, мурдьэлэ эньиэ кудэрэм* ‘Лук со стрелами отец повесил на изголовье колыбели, а мать иголку положила’; *Адил чаҕадьэлги — мархиль саҕанэлги* ‘Юноше — работать, девушке — сидеть’ (о том, что каждый должен заниматься своим делом).

О женившемся мужчине юкагиры говорят, что он «заимел дом» (или шапку), ср. также высказывание об общности мужа и жены: *Йэлукун чалдьэ ӈолааӈи* ‘Четырмья руками стали’; *Киилэӈ саҕанэӈи* ‘Вместе сидят’; *Маархан көдэ — көдэлэӈ, кин көдэ чиилэӈ* ‘Один человек — человек, два человека — люди’. О роли брака и семьи см. также: *Нимэ-даайлэк нимэ аҕуонь, нимэн-дуулэк мэ пугуонь* ‘На треногах дом держится, а семьей согрет’; *Тэт нимэндуул эл чоҥнурэ — тэт кирийэ соҕусэмэк* ‘Не защищая и не оберегая свою семью, свое имя потеряешь’. Особое внимание в пословицах юкагиров уделено роли женщины, жены в жизни мужчины: *Паайп чугдэ мэдьилҥинь көдэ мэнтэм* ‘Мужчина берет в жены [женщину], чтобы ее мысли и ум взять’; *Удэк эдьэгэсуккуньэй, ан амуче көньмэньэй* ‘Всегда хорошо одетый, тепло и аккуратно — это от хорошей жены’.

Отношения между мужчинами и женщинами у юкагиров были равноправными. Мужчины должны были добывать пищу, а вот ее распределение было прерогативой женщины. Женщине в семье не перечили, многие важные вопросы решала именно женщина. Юкагиры о семье, где царят мир и согласие, говорили: *Маархан чалдьэ сисхапэ* ‘Пальцы одной руки’. Если в доме были конфликты: *Нимэнэй чии уудэк лаайсэӈи* ‘Домашние всегда лаются’; *Мэ нэринум, тудэ апаналааҕанэ (пэлдудиэҕанэ)* ‘Грызет свою старуху’ (о сварливом муже). Юкагиры приветствовали многодетность, ср.: *Монней вэгииӈинь лаамэ эл лаайсэ* ‘Короткому аргишу (т. е. маленькой семье. — *А. Е.*) собака не лает’.

Идеалом маскулинности у юкагиров был *тэнбэйэ шоромох* — ‘сильный мужчина, воин’. Все молодые мужчины должны были пройти суровую военную школу *кичил*, чтобы защищать род от многочисленных нападений врагов и самим быть готовыми напасть на вражеские стойбища (Прокопьева 2009: 29). «Юкагирские “сильные мужчины” славились своей храбростью, силой и проворством по всей Северо-Восточной Сибири» (Иохельсон 2005: 180).

Юкагиры уделяли большое внимание воспитанию мальчиков, их подготовке к семейной жизни: *Угурчэдигицэги нуодай уо, чамумурэ, тудэ кэдэл эл ичуойэ ӈолаануни* ‘Ребенок, с детства ходивший с незавязанными шнурками унтов, повзрослев, не будет заботливым человеком’; *Йэпэйэ пугэдьэҕэ лэгул эл туӈдэччэк* ‘На солнечном свете еду не сваришь’ (о том, что только ласка не может воспитать ребенка); *Хуодэҥ*

айимэк, таат лөлмэк ‘Как выстрелил — так и будешь растить’ (высказывание связано с обычаем, по которому при рождении ребенка отец бегает вокруг дома и стреляет из лука, как бы охраняя ребенка и его мать от нечистых сил).

У лесных юкагиров существовали *нексиинии* («обычаи неговорения»), запреты на разговоры о незамужних женщинах между близкими родственниками-мужчинами и на подобные разговоры о мужчинах — между женщинами. У тундровых юкагиров они обозначались термином *мэнэнайнии*. У лесных юкагиров существовал обычай *ниал* (у тундровых юкагиров — *найл*): в разговоры не могли вступать тесть и теща — с зятем, свекор и свекровь — с невесткой, мужчина — с мужем младшей сестры, женой младшего брата и со старшим братом жены, женщина — со старшим братом мужа и т. п.

В *одё*, системе запретов юкагиров, отражена специфика социализации мальчиков: младшие братья и сестры не называют старших по имени; мужчинам нельзя петь и разговаривать, когда собирают охотничье снаряжение; мальчикам нельзя смотреть на гениталии девочек (считается, что появится ячмень, трахома); мальчикам нельзя надевать на палец наперсток (иначе будут промахиваться на охоте); мальчикам нельзя ложиться и спать там, где спали девочки; повзрослевшим мальчикам нельзя выполнять женскую работу.

Женские стереотипы в юкагирских паремиях представлены довольно широко, об особенностях женщин также много пословиц: *Пайпэ пайлуулгэлэ ньаньулбэн эл ниэйм* ‘Женскую хитрость даже черт не опередит’; *Пайлисьэ пайпэ өнмэгэлэ ньаньулбэн эл киэньэлгудэ* ‘Ум хитрой женщины даже черт не опередит’. Как во многих других традициях, ценятся мастерство, умение содержать в порядке дом, осуждают ленивую хозяйку: *Мархиль индьуолги — чуҥдэгинь йаул* ‘Стежок девушки — ее ум, характер’; *Нимэн-дукунги льуку илийэҕэт либаҕай* ‘Ровдуга дома от маленького ветерка трепещет’ (о лентяйке, неумехе).

Когда женщина выходит замуж, юкагиры говорят: *Көдэҥинь ууй* ‘Ушла к человеку’ (т. е. мужчине). При этом дочери воспринимаются как члены семьи мужа: *Йуодии эл учио, сугудьэ эл йуойот* ‘Глаза не видят — сердце не болит’ (о дочерях, выданных замуж и живущих далеко от родителей). Отмечается приоритет семьи для женщины: *Паайп чугдэ лачид-эдуол валь льэй* ‘У девушки ум — у очага’ (о чем бы девушка ни думала — мечтает о семье). Особо подчеркивается роль матери — защитницы детей: *Лабунмэ апаналээ дитэ уорпэлэ чоҥнум* ‘Как самка на гнезде, защищая детей, укрывает собой’; *Туҥ муҥайдьи, мэр амне самнел саайрэлэҥ* ‘Женщина — как сокол’ (о защите своего ребенка). Осуждаются женщины, не справляющиеся с материнской ролью и бросившие своих детей: *Өйэгэ уо ооринь эдэҕанэ, эньиэги эл кэлут* ‘Зайчонок заплачет — зайчиха-мать не прибежит’ (о женщине, заставляющей ребенка долго плакать,

ждать); *Лабунмэ апаналээ дитэ муҥайдьиик* ‘Словно самка куропатки’ (о бросившей детей).

В системе запретов юкагиров *одё* отражена специфика социализации девочек и девушек. Запреты отчасти симметричны мужским, ср., например: *Көдэн аавааалҕа эл аавальэк* ‘Девочкам и девушкам нельзя спать там, где спал мужчина’; *Чии сукунҕан эл мираанунҥу* ‘Девочкам и девушкам нельзя перешагивать через одежду мужчин’. Многие запреты связаны с ролью женщины как продолжательницы рода, считается, что определенные действия могут отразиться на будущих детях: девушкам нельзя есть голову налима, иначе ребенок будет с плоским лицом, голову щуки — иначе родится ребенок с зубами. В *одё* отражены запреты определенного женского поведения: женщине нельзя смотреть в глаза убитых диких оленей, перешагивать через кровь диких оленей, свежие шкуры убитых оленей, орудия промысла. Женщине нельзя класть на промысловые орудия или одежду мужа свою одежду; нельзя топтать перья птиц; петь, когда муж уходит на охоту или рыбалку: *Модьидьии сукун иирэрэ муҥайдьии эл йахтанун: иэруул мэ мөрим таҥ йахтэлэ* ‘Женщине нельзя петь, когда шьет камусы для лыж’ (т. е. собирается на охоту).

Определенное этикетное поведение предписано девушке в семье: если она моложе брата, то разговор может начинать только брат; если девушка что-то хочет передать старшему брату, то делает это через родителей или его жену и т. п. (Заветный фольклор народов Якутии… 2009; Курилов 2007; Труды Якутской экспедиции… 1900).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Паремии играют значительную роль в формировании и поддержании гендерных стереотипов и представлений, укрепляя традиционные ценности и семейные устои. При этом в современном мире они не всегда отражают реальные отношения, порой являют собой отражение исторических реалий, становясь своего рода анахронизмом. В связи с этим требуются критичное отношение, переосмысление и современная интерпретация некоторых из них. Анализ содержания и направленности гендерно маркированных пословиц и поговорок, запретов и предписаний коренных малочисленных народов Севера показывает, что в них преобладает тематика, связанная с семейными ролями мужчин и женщин, четкой дифференциацией мужских и женских видов труда, детоцентризмом и установкой на многодетность, осуждением безбрачия и бездетности, гендерной социализацией детей. В целом в этих фольклорных текстах отсутствуют андроцентрические тенденции, практически нет чрезмерной идеализации мужчины, в целом подчеркивается эгалитарный статус мужчин и женщин. В паремиях эвенов и юкагиров (в отличие от долган и эвенков) выражено особое почитание матери, женщины,

акцентируется ее роль в принятии решений в важных для семьи вопросах. В паремиях долган, эвенов и эвенков чаще встречаются мотивы, связанные с экзогамным браком (в отличие от юкагиров, у которых данная форма брака практически не встречалась).

В паремиях и запретах коренных малочисленных народов Севера достаточно часто встречаются прохибитивы, запретительные интенции предупреждающего характера, причем не только в текстах, отражающих женские стереотипы, но и в «мужских» текстах. Практически у всех анализируемых народов встречаются запреты и ограничения, связанные с женским поведением, религиозными представлениями, охотничьими и промысловыми обрядами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КМНС — коренные малочисленные народы Севера
эвен. — эвенский
юкаг. — юкагирский

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева С. А. Традиционная семья у эвенов Якутии (конец XIX — начало XX в.): историко-этнографический аспект. Новосибирск: Наука, 2008. 110 с.

Артемьев Н. М. Долганы: историко-лингвистические и этнокультурные материалы. СПб.: Олимп-СПб, 2010. 159 с.

Бетту Л. Д. Традиционные запреты долган // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 9 (71). С. 287–297.

Бокова Е. Н. Эвэды фольклор, 5–6 / Нёка республикан хупкучэк Министерство учебно-методическай советан дёкчан. Дьокуускай: Бичик, 2002. 216 с. [Эвенский фольклор, 5–6: учеб. пособие / М-во образования и методический совет Республики Саха. Якутск: Бичик, 2002. 216 с.]. (На эвен. яз.).

Бурыкин А. А. Малые жанры эвенского фольклора: загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследования и тексты). СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 288 с.

Варламов А. Н. Исторические образы в эвенкийском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 96 с.

Варламова Г. И. Фразеологизмы в эвенкийском языке. Новосибирск: Наука, 1986. 81 с.

Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.

Воскобойников М. Г. Эвенкийский фольклор. Л.: Просвещение, 1960. 340 с.

Гурвич И. С. Эвены-тюгясиры // Краткие сообщения / Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Вып. 25. С. 42–55.

Гурвич И. С. Была ли известна юкагирам экзогамия? // Советская этнография. 1969. № 2. С. 87–92.

Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутов. М.: Наука, 1977. 258 с.

Дуткин Х. И. Эвенский фольклор: учеб.-метод. комплекс (программа, крат. курс лекций, метод. рекомендации, образцы текстов). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. 66 с.

Дьяченко В. И. Женщина в тундре (гендерная роль долганки в традиционном оленеводческом хозяйстве) // Социальная организация у народов Сибири: традиция и современность. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 202–245.

Егорова А. И., Тугужекова В. Н., Каскаракова З. Е., Канзычакова Н. Г. Гендерные стереотипы в хакасских и якутских паремиях // Урало-алтайские исследования. 2020. № 2 (37). С. 17–30.

Ефремов П. Е. Долганское олонхо. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1984. 132 с.

Заветный фольклор народов Якутии (юкагиры, якуты, эвенки, русские): сказки, анекдоты, былички, песни, частушки, пословицы, поговорки, загадки / сост. Л. Н. Жукова. Якутск: Якутский край, 2009. 83 с.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 666 с.

Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / сост. Г. М. Василевич. Л.: Наука, 1966. 400 с.

Кирилина А. В. Гендерные стереотипы по данным языка // Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. С. 105–162.

Кулькова М. А., Денисова Е. А. Структурно-семантическая характеристика русских и немецких пословиц, содержащих прохибитивные конструкции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3 (78). С. 131–133.

Курилов Н. Н. Тидаанэ титэ моннунҥи — Раньше так говорили. Пословицы, загадки, образные выражения, сравнения. Якутск: Дани Алмас, 2007. 152 с.

Ламутский П. А. Онир укчэнэкэн. Хупкучэк куҕалдун. Якутск: Нека төрэҥэн книга изд-вон, 1965. 70 с. [*Ламутский П. А.* Рассказ нетающего снега. Рассказы родителей. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1965. 70 с.]. (На эвен. яз.).

Николаев С. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1964. 200 с.

Першай А. Ю. Семантика пола: репрезентация гендерных отношений во фразеологии. Вильнюс: ЕГУ, 2014. 178 с.

Петров А. А. О языке фольклора долган (к проблеме изучения) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 11. С. 1989–1998.

Попов А. А. Материалы по родовому строю долган // Советская этнография. 1934. № 6. С. 116–139.

Попов А. А. О жизни и устно-народном творчестве долган // Долганский фольклор. М.; Л.: Сов. писатель, 1937. С. 7–23.

Попов А. А. Семейная жизнь у долган // Советская этнография. 1946. № 4. С. 50–74.

Прокопьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009.143 с.

Романова А. В., Мыреева А. Н. Фольклор эвенков. Л.: Наука, 1971. 330 с.

Спиридонов Н. И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1900. Отд. 3, т. 9, ч. 3: Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. И. Иохельсоном. Ч. 1: Образцы народной словесности юкагиров. VIII, XV, 240 с.

Фольклор эвенов Березовки: образцы шедевров / сост. В. А. Роббек. Якутск: Северовед, 2005. 360 с.

Фольклор юкагиров Верхней Колымы: хрестоматия / сост. Л. Н. Жукова. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1989. 160 с.

Шаймарданова М. Р. Гендерные стратегии и тактики в условиях актуализации фрейма предостережения в английских и русских паремиях // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 8. С. 93–99.

Эвен фольклора. Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1981. 221 с. [Эвенский фольклор. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1981. 221 с.]. (На эвен. яз.).

Lakoff R. Language and Woman's Place. New York: Harper & Row, 1975. 83 p.

REFERENCES

Alekseeva S. A. *Traditsionnaya sem'ya u evenov Yakutii (konets XIX — nachalo XX v.): istoriko-etnograficheskiy aspect* [Traditional family among the Evens of Yakutia (Late 19th — early 20th century): Historical and ethnographic aspect]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2008, 110 p. (In Russian).

Artem'ev N. M. *Dolgany: istoriko-lingvisticheskiye i etnokul'turnyye materialy* [Dolgans: historical, linguistic and ethnocultural materials]. St. Petersburg: Olimp-SPb Publ., 2010, 159 p. (In Russian).

Bettu L. D. [Traditional proscriptions of the Dolgan]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye* [RGGU bulletin. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies], 2011, no. 9 (71), pp. 287–297. (In Russian).

Burykin A. A. *Malyye zhanry evenskogo fol'klor: zagadki, poslovitsy i pogovorki, zaprety-oberegi, obychai i predpisaniya, primety (issledovaniya i teksty)* [Small genres of Even folklore: riddles, proverbs and sayings, prohibitions-amulets, customs and prescriptions, signs (Studies and texts)]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye Publ., 2001, 288 p. (In Russian).

Dutkin H. I. *Evenskiy fol'klor: Uchebno-metodicheskiy kompleks (programma, kratkiy kurs lektsiy, metodicheskiye rekomendatsii, obraztsy tekstov)* [Even folklore: Educational and methodological complex (Program, short course of lectures, methodological recommendations, text samples)]. Yakutsk: Izdatel'stvo YaGU Publ., 1996, 66 p. (In Russian).

Dyachenko V. I. [The woman in the tundra (the gender role of the Dolgan in traditional reindeer-breeding economy)]. *Sotsial'naya organizatsiya u narodov Sibiri: traditsiya i sovremennost'* [Social organization among the peoples of Siberia: tradition and modernity]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2017, pp. 202–245. (In Russian).

Efremov P. E. *Dolganskoye olonho* [Dolgan olonkho]. Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1984, 132 p. (In Russian, Dolgan).

Egorova A. I., Tuguzhekova V. N., Kaskarakova Z. E., Kanzychakova N. G. [The gender stereotypes of the Khakass and the Yakut paremias]. *Uralo-altayskiye issledovaniya* [Ural-Altaic Studies], 2020, no. 2 (37), pp. 18–31. (In Russian).

Even fol'klora [Even folklore]. Yakutsk: Sakha sirineegi kinige izdatel'stvota Publ., 1981, 221 p. (In Even).

Gurvich I. S. [Evens-Tyugasirs]. *Kratkiye soobshcheniya / Akademiya nauk SSSR. Institut etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya* [Brief reports / USSR Academy of Sciences. N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1956, iss. 25, pp. 42–55. (In Russian).

Gurvich I. S. [Was exogamy known to the Yukaghirs?]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1969, no. 2, pp. 87–92. (In Russian).

Gurvich I. S. *Kul'tura severnykh yakutov-olenevodov. K voprosu o pozdnikh etapakh formirovaniya yakutov* [Culture of the northern Yakut reindeer herders. On the issue of the late stages of the formation of the Yakuts]. Moscow: Nauka Publ., 1977, 278 p. (In Russian).

Iohel'son V. I. *Yukagiry i yukagirizirovannyye tungusy* [Yukaghirs and Yukaghirized Tunguses]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005, 666 p. (In Russian).

Kirilina A. V. [Gender stereotypes based on language]. *Gender: lingvisticheskiye aspekty* [Gender: linguistic aspects]. Moscow: Institut sotsiologii RAN Publ., 1999, pp. 105–162. (In Russian).

Kul'kova M. A., Denisova E. A. [Structural-semantic characteristic of the Russian and German proverbs with prohibitive constructions]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 12-3 (78), pp. 131–133. (In Russian).

Kurilov N. N. *Tidaane tite monnungi — Ran'she tak govorili. Poslovicy, zagadki, obraznye vyrazheniya, sravneniya* [Tidaane tite monnungi — They used to say so. Proverbs, riddles, figurative expressions, comparisons]. Yakutsk: Dani Almas Publ., 2007, 152 p. (In Russian).

Lakoff R. Language and Woman's Place. New York: Harper & Row, 1975, 83 p. (In English).

Nikolaev S. I. *Eveny i evenki Yugo-Vostochnoy Yakutii* [Evens and Evenkis of South-Eastern Yakutia]. Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1964, 200 p. (In Russian).

Pershay A. Yu. *Semantika pola: reprezentatsiya gendernykh otnosheniy vo frazeologii* [Semantics of gender: representation of gender relations in phraseology]. Vilnius: YEGU Publ., 2014, 178 p. (In Russian).

Petrov A. A. [About the language of Dolgan folklore (To the problem of study)]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], 2023, vol. 16, no. 11, pp. 1989–1998. (In Russian).

Popov A. A. [Materials on the clan structure of the Dolgans]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1934, no. 6, pp. 116–139. (In Russian).

Popov A. A. [About the life and oral folk art of the Dolgans]. *Dolganskiy folklor* [Dolgan folklore]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., 1937, pp. 7–23. (In Russian).

Popov A. A. [Family life among the Dolgans]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1946, no. 4, pp. 50–74. (In Russian).

Prokop'eva P. E. *Otrazhenie mifologicheskogo myshleniya v yukagirskom fol'klore* [Reflection of mythological thinking in Yukaghir folklore]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2009, 143 p. (In Russian).

Romanova A. V., Myreeva A. N. *Fol'klor evenkov* [Evenki folklore]. Leningrad: Nauka Publ., 1971, 330 p. (In Russian).

Shaymardanova M. R. [Gender strategies and tactics used in the process of precaution frame actualization in the English and Russian paroemies]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2015, no. 8, pp. 93–99. (In Russian).

Spiridonov N. I. *Oduly (yukagiry) Kolymskogo okruga* [Oduly (Yukaghir) of the Kolyma district]. Yakutsk: Severoved Publ., 1996, 80 p. (In Russian).

Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya v kontekste kul'tury: semanticheskie, pragmaticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* [Russian phraseology in the context of culture: semantic, pragmatic and linguacultural aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1987, 270 p. (In Russian).

Varlamov A. N. *Istoricheskiye obrazy v evenkiyskom fol'klore* [Historical images in Evenki folklore]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2009, 96 p. (In Russian).

Varlamova G. I. *Frazeologizmy v evenkiyskom yazyke* [Phraseologisms in the Evenki language]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1986, 81 p. (In Russian).

Vasilevich G. M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskiye ocherki (XVIII — nachalo* XX *v.)* [Evenks. Historical and ethnographic essays (18th — early 19th century)]. Leningrad: Nauka Publ., 1969, 304 p. (In Russian).

Voskoboynikov M. G. *Evenkiyskiy fol'klor* [Evenki folklore]. Leningrad: Prosveshcheniye Publ., 1960, 340 p. (In Russian).

Submitted: 11.04.2025
Accepted: 14.08.2025
Article published: 15.12.2025